

АЛЛЮЗИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Н.В. Никашина, Н.Д. Супрун

Институт иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
nvnikashina@gmail; comsuprunnata@mail.ru

В статье рассматривается локализация и функционирование аллюзии, ее основные стилистические функции, механизмы возникновения.

Ключевые слова: аллюзия, прецедентный текст, интертекстуальность, имплицитная аллюзия.

Исследование аллюзии может иметь литературоведческое или лингвистическое направление, проводиться в сфере когнитивной лингвистики, изучения межкультурных связей или проблемы интертекстуальности. Круг вопросов, которых может касаться проблема аллюзии, является достаточно широким, а потому выделение конкретной смежной области исследования или проблемы прямо зависит от поставленных задач.

Происхождение термина «аллюзия» от латинского “alludere” ‘смеяться, намекать’ (“ludere” — играть) датируется серединой XVI в. и означает “an expression designed to call something to mind without mentioning it explicitly; an indirect or passing reference”.

Изучая ход исторического развития данного понятия, Г. Блум [14. С. 26] определяет термин «иллюзия» (illusion) как синоним понятия аллюзии.

В эпоху раннего Ренессанса аллюзия была тождественна каламбуру, или игре слов, и по этой причине она использовалась главным образом в сатирических произведениях.

Во времена Ф. Бэкона (1561—1626) данным термином называли какое-либо символическое сходство в аллегории, параболе или метафоре, поэтому критика выделяла наряду с «описательной», «репрезентативной» еще и «алюзивную» поэзию. И только с начала XVII в., по мнению Г. Блума, развивается единственное правильное значение аллюзии как непрямой, скрытой ссылки, которая содержит намек.

Активное изучение аллюзии начинается только в XX в., когда его отождествляли с любой явной, прямой ссылкой, и оно вызывало разные суждения и наибольшие споры большого количества исследователей.

Проблемам изучения аллюзии посвящены труды Е.Ю. Абрамовой, О.С. Ахмановой, И.В. Гюббенет, Е.М. Дроновой, А.С. Евсеева, М.И. Киосе, А.Г. Мамаевой, Л.А. Машковой, И.Г. Потылицыной, Е.В. Розен, И.Н. Софроновой, З. Порат и других лингвистов.

О.Е. Наумова обращает внимание прежде всего на когнитивный, прагматический, лингвокультурологический аспекты прецедентных текстов [10. С. 80]. По утверждению Е.М. Дроновой, исследование аллюзии может проводиться в пределах изучения межкультурных связей, проблем интертекстуальности, касаться сфер стилистики, фразеологии, переводоведения, а также иметь другие ориентиры [4. С. 83].

А.С. Евсеев отводит проблематике, связанной с разработкой этого вопроса, одно из центральных мест в таких лингвистических дисциплинах, как теория референции, теория собственного имени, стилистика, поэтика, риторика, лингвострановедение, литературоведение [5. С. 3].

Вопросы литературных традиций и влияния на произведения писателей их литературных предшественников с давних пор представляют интерес для филологов. Литературных критиков всегда волновала зависимость творчества различных писателей от исторических событий или от произведений других авторов.

Так как культура, окружавшая писателя в течение его жизни, неизбежно налагает отпечаток на его произведения, сам автор бессознательно или осознанно пользуется ее достижениями в своем творчестве. Культурный опыт отмечается в разнообразных формах, преимущественно в форме текстов. По утверждению французского философа и литературного теоретика Ж. Дерриды, «мир есть текст» [3. С. 14]. Однако это не набор ничем не связанных между собой составляющих.

И.И. Ильин подчеркивает, что любой текст — это реакция на предыдущие тексты [6. С. 206]. Именно одной из таких реакций на предыдущие тексты и является аллюзия, которую рассматривают в свете теории интертекстуальности.

Аллюзия служит определенным «мостом», который соединяет предыдущее со следующим, представляет собой своеобразный способ обращения мыслей к прошлому и помогает осмыслить и категоризировать знания о мире.

Использование различных ссылок на литературные, библейские, мифологические факты существует в английской литературе с давних пор. Родоначальник английской литературы Джеффри Чосер свободно использовал аллюзии в своем творчестве.

Утонченная техника вкрапления аллюзий в контекст художественного целого является отличительной чертой творчества Д. Мильтона и А. Поупа (особый стиль последнего также иногда именуют «аллюзивным») [15. Р. 37].

Расцвет искусства аллюзии приходится на период классицизма, для литературных произведений которого характерно подражание античному творчеству. Небезразличной к употреблению аллюзий оказалась и эстетика романтизма.

Символы, аллегории, гротески, которые так часто встречаются в произведениях эпохи романтизма, зачастую используют аллюзию как базу для создания образа.

Также характерным, но менее распространенным является использование аллюзий для английского критического реализма XIX в. В произведениях авторов XX в. аллюзия как элемент образных средств наиболее активно употребляется в литературе. Авторы данного периода используют аллюзии на мифологические темы для освещения ключевых мотивов поведения людей.

Этот метод использовался в таких произведениях, как «Уллизс» Д. Джойса, «Кентавр» Д. Апдайка, много работ собственно Т.С. Элиота. Даже поверхностное изучение истории использования аллюзии говорит о ее широком приложении в английской литературе.

Аллюзия, вследствие выразительности и частого использования, а также способности особым образом передавать дополнительные сведения, заслуживала детального внимания исследователей.

В изучении аллюзии лингвисты тяготеют преимущественно к литературоведческому, лингвостилистическому и семиотическому подходам [7. С. 281].

Перед тем как предложить толкование аллюзии в рамках данного исследования, необходимо определить, что не является аллюзией в действительности. Аллюзия отличается от интертекстуальности, потому что она целеустремлена; от плагиаризма, потому что писатель не подает ссылки как на свое собственное; от цитации, потому что это — не цитата, которая берется в кавычки; и от клише, потому что у нее есть единственный источник [16. Р. 42].

По мнению И.Р. Гальперина [2], аллюзия — это литературный акт ссылки на любой предыдущий текстуальный референт, который предусматривает наличие фоновых знаний (совокупность свидетельств культурно- и материально-исторического, географического и прагмалингвистического характера, которые имеются у носителя определенного языка [1. С. 19]) у читателя об этом факте и вызывает у него соответствующие ассоциации [17. Р. 187].

Предыдущий текстуальный референт именуют прецедентным текстом, который является завершенным и самодостаточным продуктом рече-мыслительной деятельности, или сложным знаком, количество значений элементов которого не равно его сути.

По определению большого энциклопедического словаря, аллюзия (лат. *allusion* — намек, острота) — стилистическая фигура, намек, посредством сходно звучащего слова или упоминания общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения [1. С. 142].

Она используется в художественном, ораторском, научном и будничном языке для более рельефного, более объемного очерчивания определенной реалии через соотношение ее с аналогом, который хорошо известен из хода исторических событий, жизни выдающихся людей, фольклора, литературных произведений и т.д.

Аллюзия особенно утверждается в художественном мышлении XX в., в частности в европейском неоромантизме, модернизме, латиноамериканском романе, в романах-утопиях, когда аллюзивные мифологемы, философемы и идеологемы, как правило, структурируют все произведение. Наивысшего пика алиюзийное изображения достигло в постмодернизме, получив неопровержимое право на понятийную автономию.

Современные зарубежные лингвисты в исследовании аллюзии отдают предпочтение именно литературоведческому подходу.

По мнению израильской исследовательницы-литературоведа З. Бен-Порату, литературная аллюзия содержит встроенный направленный сигнал или маркер,

который можно идентифицировать как элемент, который принадлежит к другому независимому тексту [13. Р. 108].

По определению К. Перри, литературная аллюзия является явной или неявной ссылкой на другой литературный текст, который легко распознать и понять компетентным читателям [18. Р. 290].

Вслед за М.И. Киосе аллюзия рассматривается как одновременно и стилистический прием и его результат. Метод аллюзии (намек, косвенное указание) довольно часто встречается и имеет большое значение в создании насыщенных образами текстов разных жанров, способствуя повышению их эмоционально-оценочного содержания [7. С. 19].

Целью использования аллюзии является обогащение элементарного высказывания и всего произведения сопутствующими знаниями и опытом [16. Р. 42—43]. Аллюзия при этом играет роль экономного способа актуализации истории, литературной традиции [12. Р. 9].

Поэтому аллюзия, которую используют авторы, может быть как общеизвестным фактом и отвечать фоновым знанием рядового читателя, так и может быть узкоспециализированная, значения которой могут понять читатели определенного круга.

Определение аллюзии наводится в разных словарях и энциклопедиях, в которых или приводится определение усложненных аллюзий в тексте, или представлена энциклопедическая информация о событиях и лицах, чьи имена используются аллюзивно [8. С. 23].

Согласно англоязычным словарям литературных терминов самая полная классификация видов аллюзии состоит из:

- 1) аллюзии — ссылки на недавние события (topical allusion);
- 2) личностной аллюзии — ссылки на факты биографии писателя (personal allusion);
- 3) метафорической аллюзии, целью которой является передача сопутствующей информации;
- 4) имплицитной аллюзии, которая имитирует стиль других писателей (imitative allusion);
- 5) структурной аллюзии, которая отображает структуру другого произведения (structural allusion) [12. Р.9; 16. Р. 42—43].

Русский исследователь М.Д. Тухарели выделяет три разновидности аллюзии:

- 1) антропонимы — имена собственные, космонимы — названия планет, звезд, топонимы — географические названия, зоонимы — имена животных, птиц, ктематонимы — названия исторических событий, праздников и т.д., и, наконец, теонимы — названия богов, демонов, мифологических персонажей и т.п.;
- 2) мифологические, библейские, исторические, литературные и другие реалии;
- 3) аллюзия может локализоваться в отзвуках цитат, контаминациях, реминисценциях и других аллюзивных цитатах [11. С. 167].

К примеру, “*Dear me! I'm not Hetty if I do look green. I'm just a poor little working girl*” (O'Henry), О. Генри наводит аллюзию на Хетти Гарт, самую богатую женщину Америки того времени. Содержание аллюзии — материальное положение ге-

роини — подчеркивается следующим предложением, которое повторяет суть аллюзивной информации [4. С. 85].

С.С. Алешко-Ожевская приводит примеры библейской аллюзии *old wives' fables*. Для сравнения в Библии: “But refuse profane and old wives' fables, and exercise thyself rather unto godliness (I Timothy IV, 7)” и в художественном произведении:

“Another of old wives' tales, Matteo! Nature intended you for a beginning friar”. — “I have often thought I have missed my vocation. With my brilliant gift for telling lies in a truthful manner, I should have my way in the Church to the highest dignities”. (W.S. Maugham. The Making of the Saint).

В этом случае значения библеизма дополнительно объясняется автором в следующей фразе: *brilliant gift for telling lies in a truthful manner* [1. С. 40].

Часто встречаются и примеры аллюзий на общеизвестные факты:

“The town itself was to the left, a straggling huddle of red roofs and white walls in the centre of which, raising a golden dome proudly skywards, stood the building which had made the place the popular resort it was — the Casino Municipal. For St. Rocque, once a tiny fishing village, has become in recent years a Mecca for those who enjoy watching their money gathered in with rakes by sad — eyed croupiers” (J. Woodhouse. Hot Water).

Автор использовал название широко известного городка Мекка, места паломничества мусульман.

В этом предложении аллюзия выполняет сразу две функции:

1) уподобление, чтобы читатель имел возможность лучше представить место действия;

2) имеет комический эффект, поскольку Мекка — святое место религиозного поклонения, а в указанном примере встречается поклонение деньгам и азартным играм [1. С. 59].

Использование аллюзий придает произведениям целостности и законченности, т.е. имеет отношение к эстетической стороне произведения. Аллюзивное слово выступает как знак ситуационной модели, из которой с помощью ассоциаций соотносится текст, который содержит аллюзию.

Таким образом, происходит взаимодействие между литературно-художественными произведениями, называемое аллюзивным процессом.

Пространство текста, которое ощущает на себе семантическое и стилистическое воздействие аллюзии, делает ее главным смысловым и структурным компонентом художественного целого.

Слежение за функционированием аллюзии помогает определить направление и силу воздействия стилистически маркирующих элементов высказывания на нейтральные части текста и в заключительном результате, объясняет формальные и семантические связки между отдельными частями целого произведения.

Основными стилистическими функциями аллюзии являются следующие: изучение времени, характеристика персонажей, создания местного колорита, изучения условий действия и т.д. Механизм создания и функционирования аллюзий обосновывается определенными законами и напоминает механизм превращения данных, которые хранятся в памяти человека.

Кроме того, аллюзии выступают в качестве основных средств реализации социально-исторического вертикального контекста. По мнению Л.А. Машковой, вертикальный контекст художественного произведения является сложной информационной категорией, которая в своей структуре объединяет две контекстуальных плоскости или два вида контекста: социально-исторический и филологический [9. С. 25].

Первый контекст информирует читателя о форме и средствах, которые автор использовал для отображения определенных фрагментов реальной или мнимой действительности. Второй предоставляет собственно филологическую информацию, т.е. анализ способов использования авторами содержания и форм литературных произведений предшественников [9. С. 25].

Анализ взглядов и утверждений исследователей в сфере литературной аллюзии показал, что исследуемое явление является сложным и многоплановым. Остается много противоречивых моментов относительно определения самой сущности аллюзии и ее основных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алешко-Ожевская С.С.* (2006). Фразеологический состав английского языка и проблемы аллюзивности художественного текста [Phraseological composition of the English language and the problems of allusively literary text]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва.
- [2] *Гальперин И.Р.* (1981). Текст как объект лингвистического исследования. [The text as object of linguistic research]. Москва.
- [3] *Деррида Ж.* (1999). «Голос и феномен» и другие работы по теории знака Гуссерля: Пер. с англ. СПб.: Алетейя.
- [4] *Дронова Е.М.* (2004). Проблемы перевода стилистического приема аллюзии в англо-ирландской литературе первой половины XX века [Problems of translation of the stylistic device of allusion in Anglo-Irish literature of the first half of the twentieth century] // Вестник ВГУ. № 1. С. 83—86.
- [5] *Евсеев А.С.* (1990). Основы теории аллюзии (на материале русского языка) [The Basics of the theory of allusion]: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Русский язык». М.
- [6] *Ильин И.П.* (1989). Стилистика интертекстуальности. [Stylistics of intertextuality]. Теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики. Москва. С. 186—207.
- [7] *Кюсе М.И.* (2002). Лингво-когнитивные аспекты аллюзии: На материале заголовков английских и русских журнальных статей [Linguo-cognitive aspects of allusions: On the material of English and Russian titles of journal articles]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва.
- [8] *Машкова Л.А.* (1989). Аллюзивность как категория вертикального контекста [Allusivity as a category of vertical context] // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 2. С. 25—33.
- [9] *Наумова Е.О.* (2002). Прецедентные тексты в публицистическом дискурсе [Precedent texts in journalistic discourse] // Вестник РУДН. Серия «Русский язык нефилологам. Теория и практика». № 3. М.: Изд-во РУДН. С. 80—84.
- [10] *Тухарели М.Д.* (1984). Аллюзия в системе художественного произведения [The allusion in the system of art works]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Тбилиси.
- [11] *Baldick C.* (2008). The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. New-York: Oxford University Press.

- [12] *Ben-Porat Z.* (1976). The Poetics of Literary Allusion. PTL: A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature 1. P. 105—128.
- [13] *Bloom H.* (1975). A Map of Misreading. Oxford: Oxford University Press.
- [14] *Brower R.A.* (1986). Alexander Pope: The Poetry of Allusion. Oxford: Oxford at the Clarendon Press.
- [15] *Cushman S.* (2012). Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- [16] *Galperin I.R.* (1977). Stylistics. M.: Higher School Publishing House.
- [17] *Perri C.* (1978). On Alluding. Poetics 7. P. 289—307.

ALLUSION AS A STYLISTIC DEVICE IN LITERATURE IN THE ENGLISH LANGUAGE

N.V. Nikashina, N.D. Suprun

Institute of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10-2A, Moscow, Russia, 117198
nvnikashina@gmail; comsuprunnata@mail.ru

Based on materials from English literature, the article discusses the localization and functioning of allusion, its basic stylistic functions, and the mechanisms of its origins.

Key words: an allusion, a textual precedent, an intertextuality, an imitative allusion.